УДК 94(47) «19»-053.2

В.А. Веременко

ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНОГО БЫТА ДВОРЯН В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКРЫТЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье анализируются особенности быта школьников в государственных привилегированных учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX вв. Охарактеризованы распорядок дня, жилищные условия школьников, особенности организации питания и пр. Обращается внимание на изменение школьного быта дворян в рассматриваемый период.

Государственные привилегированные учебные заведения, дворяне, школьный быт, распорядок дня, правила поведения.

The article analyzes the features of schoolchildren's living in the state privileged educational institutions of Russia in the second half of XIXth – early XXth centuries. Daily routine, the students' living conditions, eating habits etc. are characterized. Special attention is paid to the changes of nobility's school life in the period under review.

State privileged educational institution, nobles, school life, daily routine, rules of conduct.

Во второй половине XIX – начале XX вв. домашнее образование дворянских детей постепенно вытеснялось школьным [подробнее о проблемах дворянских семей в данный период см.: 3, 5]. В настоящей статье рассматривается специфика быта школьников, обучавшихся в казенных привилегированных закрытых учебных заведениях, во многих отношениях отличавшихся от учреждений открытого типа. Если последние ставили своей задачей воспитание через совместную деятельность семьи и школы, то для первых семья выступала в качестве отрицательного фактора. Школа должна была ориентироваться на обеспечение «надлежащего нравственного воспитания юношества» с опорой на два основания, которые, по мнению современников, имели в этом процессе решающее значение: «…бдительный непосредственный надзор и время, достаточное для того, чтобы оказать глубокое влияние на укоренение принципов права и добра» [19, с. 117].

В закрытых элитных школах (отдельных для мальчиков и для девочек) уже с первой половины XIX в. действовала «английская» система организации жизни детей [См.: 17], предусматривавшая строгий распорядок жизни, изменявшийся только в крайних случаях (большие праздники, приезд высокопоставленных особ и пр.). Режим дня во всех государственных учебных заведениях закрытого типа был приблизительно одинаковым: воспитанники (воспитанницы) вставали в 6 час. утра (в начале XX в. – в 6.30–7.00 час.), умывались и одевались, после чего шли в столовую пить чай (иногда – сбитень, ржаной кофе или кипяченое молоко). Потом до 8 часов они гуляли и делали уроки. Поскольку в женских учебных заведениях утренний туалет занимал все время до 8 часов утра, постольку после утреннего чая сразу начиналась учеба. Далее сменяли друг друга классные занятия, прогулки, подготовка уроков к следующему дню, дополнительные занятия: танцы, музыка, пение, гимнастика. Между уроками и прогулками осуществлялись приемы пищи: завтрак, обед, чай и/или ужин. Время приемов пищи могло отличаться в разных учебных заведениях, в зависимости от того, рассматривался ли утренний чай как завтрак, – и тогда обед следовал в 12 час., если же нет, то тогда завтрак давали в 11 час., а обед – в 14–15 час. Вечером, в 20–21 час дети умывались и ложились спать [9, с. 39], [7, с. 4], [21, л. 33].

Из всего распорядка дня главные переживания учащихся были связаны с ранними подъемами: «… никогда не могли привыкнуть мы вставать рано, – жаловались институтки, – никогда не просыпались от трезвона [колокольчика], и никогда не раздавалось столько жалоб на судьбу и страстных пожеланий выбраться из институтских стен, как по утрам, при пробуждении от сна. Все остальные невзгоды институтской жизни, даже самые наказания, переносились философичнее, но раннее вставание казалось до конца невыносимой пыткой» [24, с. 143]. У кадетов были дополнительные трудности – периодически для них устраивались ночные побудки (барабанным боем), а летом утренний подъем мог быть отнесен на 4 часа 45 мин. [8, с. 28], [10, с. 25].

Ежедневно, порой по несколько раз в день – утром и вечером – дети должны были умывать руки, лицо, шею холодной/прохладной водой, полоскать рот и чистить зубы. Периодически они должны были стричь ногти. Обязательно контролировалась аккуратность прически, одежды, обуви. 1–2 раза в неделю их мыли в бане, меняли нательное и постельное белье.

Характер одежды был одинаков для воспитанников каждого определенного учебного заведения. Для мальчиков, в зависимости от типа учреждения (военное или штатское), она могла варьироваться от «фасонистых мундирчиков» до блузы с жилетом и брюками. В любом случае, под них надевались рубашки (зимой – фуфайки) и чулки (носки). Для девочек предназначалось камлотовое платье (из тонкой шерстяной ткани с примесью шелка) с короткими рукавами. Цвет его отличался не только от института к институту, но и в рамках одного учреждения – в зависимости от возраста воспитанниц. На голые руки надевались белые рукавчики, подвязанные тесемками под рукавами платья; на голую шею накидывали

пелеринку; белый передник с лифом, который застегивался сзади булавками, довершал костюм. Пелеринка, рукавчики, передник изготавливались из грубого белого холста, а по праздникам они заменялись коленкоровыми. Комплект одежды выдавался на один год [15, с. 36] [6, с. 229], [14, л. 12] [16, л. 58].

Очевидно, что при всех имевшихся различиях выдаваемая в мужских и женских закрытых учебных заведениях одежда мало согревала детей, к тому же находившихся чаще всего в холодных помещениях. Зимой температура в помещениях специально поддерживалась на уровне не выше 14˚ Реомюра (17,5˚С), а по утрам она могла опускаться и до 8–10˚ Реомюра (около 10–13˚С) [6, с. 229, 234] [1, с. 116]. «У нас воздух был везде чистый, – вспоминали «былое время» институтки, – потому что помещение было обширное, чистота … безукоризненная, моциона достаточно» [24, с. 148]. Другие же выпускницы были более откровенны и категоричны в своих воспоминаниях: «Холод, всюду преследовавший нас и к которому с таким трудом привыкали «новенькие», более всего давал себя чувствовать, когда нам приходилось раздеваться, чтобы ложиться в кровать. В рубашке с воротом, до того вырезанным, что она нередко сползала с плеч и сваливалась вниз, без ночной кофточки, которая допускалась только в экстренных случаях и по требованию врача, еле прикрытые от наготы и дрожа от холода, мы бросались в постель. Две простыни и легкое байковое одеяло с вытертым от старости ворсом мало защищали от холода спальни… Жидкий матрац из мочалы, истертый несколькими поколениями, в некоторых местах был так тонок, что железные прутья кровати причиняли боль, мешали уснуть и будили по ночам, когда приходилось повертываться с одного бока на другой» [6, с. 243].

Кормили школьников однообразной, но вполне питательной пищей. Например, в Гатчинском сиротском институте «стол» воспитанников состоял из мясной и растительной пищи, а «продукты и состав блюд находились под контролем старшего врача института». По утрам подавался чай, белый хлеб или булка. На завтрак мальчики получали мясное блюдо, чай или молоко. На обед могли быть: суп с манной крупой, мясной с вермишелью, суп из кореньев с морковью или борщ. Ужин состоял из жареной картошки или макарон, кулебяки или слоеного пирога с капустой и яйцом, вечером подавался белый хлеб или кулебяка [12, с. 11], [23, с. 4–7]. Правда многие мемуаристы жаловались на то, что еда не отличалась вкусом, а порции были недостаточны [18, с. 86] [24, с. 150], [21, л. 33]. Особое недовольство вызывал появлявшийся иногда на завтрак так называемый гибер-суп – холодная, очень жидкая овсяная каша на воде (в институтах благородных девиц в это блюдо добавляли чернослив и изюм). Этот «суп» одинаково не любили как воспитанники мужских, так и женских заведений, практически всегда оставлявшие его нетронутым [10, с. 21], [1, с. 116].

В закрытых учебных заведениях строго соблюдались все посты. Завтрак в пост состоял из вареного картофеля с куском селедки или манной каши на воде. Обеденное постное меню включало суп с крупой или щи, на второе подавался кусок вареной рыбы, клюквенный кисель, пирог или блин с вареньем и кусок черного хлеба с квасом. Помимо постов обязательным было ограничение пищи в среду и в пятницу [18, с. 85], [21, л. 33] [7, с. 5].

Значительное внимание в закрытых учебных заведениях уделялось физическому здоровью юных дворян и дворянок. Проводились ежедневные прогулки на свежем воздухе, в специальных помещениях учили танцам, во время которых «напрыгаться можно было вдоволь» [24, с. 148], регулярно выполнялись гимнастические упражнения со специальными приспособлениями, включая, как записал один из современников, «кобылу для прыганья» [10, с. 25]. Зимой катались со специально построенных горок и на санях. В мужских учебных заведениях, помимо всего названного, вводились даже элементы спорта: верховая езда, фехтование, теннис, игры с мячом (в начале XX в. – футбол), бокс, зимой – коньки и лыжи [2, с. 219], [19, с. 230–231].

Особую роль в сфере организации школьного быта играло поддержание дисциплины, воспитание у юношей и девушек привычки к соблюдению распорядка дня, опрятности и т.п. В мужских закрытых учебных заведениях для подростков допускались даже телесные наказания. В частности, § 56 Устава Училища правоведения гласил, что «с разрешения директора, может быть применено наказание розгами как исправительная мера для трех младших классов Училища». Ситуация внутри учебных заведений слабо изменилась и к началу XX в. Вот, например, какие воспоминания о жизни в Гатчинском сиротском институте оставил Д.Н. Лебедев: «Институт славился суровыми порядками. Поддерживалась строгая дисциплина, регулярно проводились маршировки. За провинности сажали под арест или под строгий арест в карцер, где условия были самые жестокие: никакой пищи, кроме хлеба и воды, и то через день. На прогулку за стены института воспитанников выпускали лишь в субботу и воскресенье, – конечно, только тех, кто за неделю ни в чем не провинился. Гимназисток, своих сверстниц, мы видели только в церкви» [20], [19, с. 144], [13, с. 8–9].

Однако, несмотря на целый ряд специфических условий в организации школьного быта в закрытых учебных заведениях и многочисленные сетования со стороны воспитанников на различные трудности и неудобства, определенные результаты данная «спартанская система» все же приносила. В то время как смертность от различного рода болезней, прежде всего, инфекционных, была постоянным спутником детского возраста [4, с. 27], в закрытых школах показатели ее были минимальными. Как отмечала Е.Н. Водовозова, «при самом ничтожном заболевании лихорадкою, головною болью, незначительным расстройством желудка воспитанниц немедленно отправляли в лазарет и укладывали в кровать, – таким образом, в самом начале заболевания мешали дальнейшему развитию болезни. Сильному распростра-

нению зараз и заболеваний препятствовали также чистота и опрятность хорошо вентилируемых помещений, регулярная жизнь и строго определенное время для сна и еды, что в сильной степени ослабляло возбужденное, нервное состояние воспитанниц» [6, с. 264–265].

Конечно, полностью избежать летальных исходов было невозможно, однако каждый такой случай (а их было все же немного) строго расследовался, становясь поводом для приезда специальной комиссии или даже смещения начальства. «В шесть лет моего пребывания в институте, – вспоминала А.Н. Энгельгардт, – умерло три воспитанницы, и это считалось необыкновенным случаем. Первая умерла от чахотки, вскоре после того, как я поступила, а две других через три года после того умерли скоропостижно от какого-то острого воспаления и в промежуток трех недель. Это привело весь институт в волнение, а начальство в положительный трепет. Низшие власти толковали, что директриса не знает, как ей донести об этом несчастном событии наивысшему начальству, и боится, как бы не разразилась над ней гроза» [24, с. 208].

Уклад жизни в закрытых учебных заведениях отличался постоянством. Вместе с тем, с середины XIX в., первоначально в мужских штатских, а к 1870-м гг. и во всех остальных закрытых учебных заведениях, воспитанникам стали разрешать покидать учреждение на каникулы и в праздники, а живущим поблизости от места обучения разрешалось бывать дома и на выходных (с вечера субботы до вечера воскресенья). Администрация относилась сначала к этому новшеству с определенным опасением, поэтому первые несколько лет уезжавшие получали специальный «отпускной билет» и четкую инструкцию о правилах поведения на время отсутствия. Ответственность за ее выполнение возлагалась на родителей, опекунов и родственников. Выдержки из «Правил внешкольного поведения» для учащихся Училища правоведения (1849 г.) позволяют составить отчетливое представление о тех требованиях, которые предъявлялись в середине XIX столетия к поведению школьников вне стен учебных заведений:

«1. Воспитанникам IV, V, VI, VII и приготовительного класса ходить и ездить не иначе, как с родственниками, знакомыми и приличными провожатыми; из сего исключаются те только воспитанники IV и V классов, которым, по особому дозволению, за отличные благонравие и успехи, дозволяется ходить и ездить одним, почему выдаются им билеты, установленные для воспитанников первых трех классов, имеющих право ходить одним.

2. Всем вообще воспитанникам из домов родителей, родственников или знакомых, к которым они увольняются и которые дали обязательства в надзоре за ними, отлучаться не иначе, как с ведома сих лиц, и отпускной билет иметь всегда при себе.

3. Строго соблюдать форму и опрятность одежды…

6. В театрах быть не иначе как в ложах, соблюдать приличия, не хлопать и не вызывать играющих.

7. Не входить в кондитерские и рестораны…

10. Время не проводить праздно, но посещать ежедневно несколько часов исполнению заданных уроков и полезным умственным занятиям…» [19, с. 154–155].

В женских закрытых учебных заведениях право на отпуск на летние каникулы, первоначально в качестве «меры поощрения, или награды для девиц за успехи в науке и хорошее поведение» начали предоставлять с 1862 г. Родителей, родственников и опекунов обязывали: «иметь для девиц во время отпуска свою одежду и белье; являться за детьми самими; в случае же невозможности – присылать кого-либо из родственников, или других благожелательных лиц и снабжать последних письменной доверенностью, для предъявления Начальнице; взятых девиц в отпуске не выводить далее родственного круга, в особенности же не брать на публичные гулянья и танцевальные вечера с платой за вход; возвращать девиц в заведение лично, или с доверенными, известными начальству лицами и при том в определенный для того срок, а если бы встретились какие-либо к тому препятствия, то тотчас заявлять о том начальству». С 1870 г. девочек стали отпускать и на праздники Святой Пасхи и Рождества Христова [22, л. 1–1 об., 45 об.].

Однако постепенно этот внешний надзор за детьми, покидавшими закрытые учебные заведения на каникулярное и праздничное время, стал ослабевать. К началу XX в. общепризнанными стали идеи о необходимости увеличения времени, проводимого детьми и подростками на свежем воздухе, в тесном общении с природой [См., напр.: 11]. Характерно, что даже тех из них, кто не имел возможности поехать на каникулы к родным и близким (например, за отсутствием таковых), стали вывозить на летние дачи. Так, например, воспитанников Гатчинского сиротского института отправляли на мызу, расположенную неподалеку от Гатчины, где для них были устроены деревянные бараки, имелся «сад и небольшой огород, обрабатываемый самими воспитанниками», а на протекавшей рядом речке, было оборудовано место для купания [12, с. 9–10]. Одновременно с этим происходило другое знаковое изменение – к началу XX в. практически во всех закрытых элитных школах появились полупансионеры и приходящие ученики. Как правило, это были дети персонала учреждения, «болезненные», для сохранения здоровья которых требовался «особый домашний уход», наконец, это был способ увеличить комплект обучающихся в учебном заведении без его кардинального расширения [19, с. 152–153].

В результате, та самая закрытость, которая должна была обеспечить отрыв воспитанников от внешней среды, и формирование из них «высшей касты», не подверженной влиянию «тлетворного окружения», стала заметно ослабевать. А сам режим жизни подростков строго разделялся на две, резко отличавшиеся друг от друга, сферы: с одной стороны, школьную (с ранними подъемами, строгими правилами организации питания, режима дня и с железной

дисциплиной), а с другой стороны – домашнюю (с возможностью «выспаться», «наесться» и свободно отдохнуть, не подвергаясь обилию наставлений и нотаций).

Источники и литература

1. *Абрамов, Е.П.* История Александровского кадетского корпуса для малолетних в Царском Селе / Е.П. Абрамов. – СПб., 2012.

2. *Анненкова, Э.А.* Императорское училище правоведения / Э.А. Анненкова // Пространство и время. – 2013. – № 1.

3. *Веременко, В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.А. Веременко. – СПб., 2009.

4. *Веременко, В.А.* Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. / В.А. Веременко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 4 (История). – № 3. – С. 18–31.

5. *Веременко, В.А.* Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.А. Веременко, И.А. Тропов // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв.: Сб. науч. статей / отв. ред. И.В. Кочетков. – СПб., 2001. – С. 55–63.

6. *Водовозова, Е.Н.* На заре жизни / Е.Н. Водовозова // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. теста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. – М., 2001.

7. В училище правоведения. Воспоминания И.А. Тютчева. 1847–1852. – СПб., 1885.

8. *Галеновский, П.А.* Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700–1856 гг.) / П.А. Галеновский. – СПб., 1904.

9. *Гурьев, П.С.* Очерк истории Императорского Гатчинского Сиротского института / П.С. Гурьев. – СПб., 1854.

10. *Драке, Л.Л.* Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания) / Л.Л. Драке. – СПб., 1911.

11. *Зонов, А.* Первые ступени земледельческого труда с детьми / А. Зонов // Свободное воспитание. – 1907–1908. – № 10. – С. 53–56.

12. Императорский Гатчинский Николаевский Сиротский Институт. Краткий очерк его современного состояния. – СПб., 1896.

13. *Лебедев, Д.Н.* Пройденное: воспоминания / Д.Н. Лебедев. – Л., 1980.

14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 1000. – Оп. 9. – Д. 162.

15. *Павлов, Н.Г.* Столетие существования Гатчинского Сиротского Института Императора Николая I. (1803–1903 г.). Исторический очерк / Н.Г. Павлов. – СПб., 1903.

16. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 762. – Оп. 1. – Д. 987.

17. *Солодянкина, О.Ю.* Гигиенические практики и физические упражнения детей российских дворян: воздействие иностранных воспитателей / О.Ю. Солодянкина // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX – XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веременко. – СПб., 2012. – С. 170–175.

18. *Стерлигова, А.В.* Воспоминания / А.В. Стерлигова // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. теста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. – М., 2001.

19. *Сюзор, Г.П.* Ко дню LXXV юбилея Училища правоведения. 1835–1910 гг.: исторический очерк / Г.П. Сюзор. – СПб., 1910.

20. Устав Училища правоведения, высочайше конфирмованный 27 июня 1838 г. – СПб., 1838.

21. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 43.

22. ЦГИА СПб. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 2068.

23. ЦГИА СПб. – Ф. 751. – Оп. 1. – Д. 738.

24. *Энгельгардт, А.Н.* Очерки институтской жизни былого времени / А.Н. Энгельгардт // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. теста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. – М., 2001.

УДК 39.572(94)(930)

Э.Л. Гасанов

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕМЕСЛЕННЫХ ОТРАСЛЕЙ ГЯНДЖИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Впервые местные ремесленные изделия второй половины XIX – начала XX веков были изучены на основе новых материалов и источников. В научной работе были исследованы основные отличительные черты, а также историко-этнографическое значение развития главных традиционных ремесленных отраслей Гянджи. Этнографическое исследование задач и отраслей ремесел имеет особое значение как способ изучения наряду с историей и культурой народа, годами сформированных политико-экономических и производственных отношений. Тесно связанные с хозяйством и ежедневным бытом народа ремесленники были одним из основных носителей национальных традиций. Таким образом, ряд занятий в Гяндже в период с XIX в. до середины XX в. отличались от ремесел других областей страны.

Азербайджан, Гянджа, ремесленные традиции, этнографическое изучение, конец XIX – первая половина XX вв.

For the first time the local handicraft wares of the second half of the XIXth – beginning of the XXth centuries were investigated on the basis of different new materials and sources. The scientific work examines the main typical features, as well as historical-ethnographical importance of development of the main traditional branches of craftsmanship of Ganja. Ethnographic exploration of